

## К 175-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА ВЛАДИМИРА ИВАНОВИЧА ЛАМАНСКОГО

### ПРЕ ДИСЛОВИЕ К ПУБЛИКАЦИИ

Научное и философское наследие академика Владимира Ивановича Ламанского (1833–1914) нельзя отнести к востребованным современной наукой. Его имя редко упоминается в исторических, историко-философских и политологических исследованиях. Нечасто вспоминают его и филологи. Произведения ученого не переиздаются. Однако Ламанский был крупнейшим славистом своего времени, и его ученики до революции занимали практически все кафедры славянских языков в российских университетах, а школа Ламанского считалась ведущей школой славистики. Более того, Лама-

нский не ограничивался только филологическими занятиями, а в большей степени сознавал себя историком и политическим мыслителем.

Родился Владимир Иванович 26 июня (ст. ст.) 1833 г. в семье директора Кредитной канцелярии министерства финансов, а впоследствии сенатора Ивана Ивановича Ламанского (ок. 1790–1879) и Веры Ивановны (урожд. Малоземовой) (1800–1876). Отец происходил из бедной дворянской семьи, проживавшей совершенно по-крестьянски в деревне Ламаниха Вологодской губернии. В возрасте 8–10 лет вместе со старшим братом Ильей он пешком пришел в Петербург, отчего впоследствии ни он сам, ни его дети не могли даже точно определить год его рождения. В автобиографических записках Владимир Иванович указывает различные даты рождения своего отца (1787, 1788, 1790, 1791). В семье Ламанских было двенадцать детей. В живых осталось девять братьев и одна сестра. Владимир Иванович был пятым ребенком. До 8–9 лет он воспитывался дома, затем до 11 лет – в частном



пансионе госпожи Шлейстер, откуда перешел во второй класс Первой петербургской гимназии. С 1850 по 1854 г. Ламанский учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета, избрав специализацию по славянским наречиям у И. И. Срезневского. Его кандидатское сочинение «Рассуждение о языке “Русской Правды”» было удостоено серебряной медали. В 1855 г. около десяти месяцев Ламанский прослужил в Санкт-Петербургском губернском правлении, откуда перешел на должность канцелярского чиновника в Публичную библиотеку, но из-за конфликта с директором библиотеки бароном М. А. Коршем в конце октября 1857 г. оставил ее. Через год Ламанский поступил на службу в Государственный архив министерства иностранных дел старшим архивариусом. Работа в библиотеке и архиве дала ему возможность собрать материалы для первого крупного исследования по истории славян «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании», которое было удостоено Академией наук Демидовской премии и опубликовано отдельным изданием в 1859 г., а 31 января 1860 г. в качестве магистерской диссертации защищено в Петербургском университете. Это позволило Ламанскому выхлопотать заграничную командировку для занятий славянской филологией и историей, продолжавшуюся три с половиной года (1862–1864). Молодой ученый побывал в славянских землях Пруссии, Саксонии, Австро-Венгрии, а также в Италии, Греции, Турции, на Балканах. Впоследствии он еще несколько раз посещал славянские земли для продолжения научных изысканий (1868–1869, 1884, 1886). Особенно плодотворной была вторая поездка Ламанского. Больше года он проработал в венецианских архивах, опубликовав в 1884 г. значительную часть скопированных материалов в издании «Государственные секреты Венеции».

С весны 1865 г. в должности доцента Ламанский начал преподавать в Петербургском университете. Уже во вступительной лекции он прямо заявлял о своей принадлежности к славянофильскому движению. Основные курсы Ламанского были посвящены истории славянских народов и славянской филологии. Заметным научным явлением стал цикл его статей «Непорешенный вопрос», который И. И. Срезневский советовал представить в историко-филологический факультет в качестве докторской диссертации. В 1870 г. в журнале «Заря» Ламанский опубликовал цикл статей под общим заглавием «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе», который в следующем году вышел отдельным изданием и тогда же (21 февраля 1871 г.) был защищен в качестве докторской диссертации. Ряд положений диссертационного исследования Ламанского были близки идеям Н. Я. Данилевского, высказанных в опубликованной в то же время книге «Россия и Европа». Сходство взглядов не позволяет в данном случае говорить об одностороннем заимствовании. Личное знакомство и общение делало такое влияние обоюдным. 12 апреля 1871 г. Ламанский был утвержден экстраординарным, а 5 марта 1873 г. ординарным профессором по кафедре славянской филологии. В 1888 г. по выслуге лет он был отчислен из университета, а в 1890 г. утвержден преподавателем университета в звании заслуженного ординарного про-

фессора. Как и большинство профессоров историко-филологического факультета, Ламанский читал 5–6 лекций в неделю.

С 1883 по 1885 гг. Ламанский был деканом историко-филологического факультета, позднее также неоднократно исполнял обязанности декана во время отсутствия последнего, согласно университетскому уставу, как старший по званию член факультета. В эти годы на историко-филологическом факультете имела специализация и по филологии. В бумагах Ламанского сохранилась учебная программа, позволяющая восстановить содержание тогдашнего философского образования. В первом семестре студенты историко-филологического факультета изучали логику, греческий и латинский языки, общее языкознание, русскую историю. Во втором семестре, помимо продолжения занятий по латинскому и греческому языкам, русской истории, они постигали церковно-славянский язык, а также историю русской словесности и психологию. В третьем семестре слушали лекции по истории философии, русской истории, истории русской словесности, обзору западноевропейских народностей и наречий, а также продолжали освоение греческого и латинского языков, к которым добавлялись занятия по русскому языку. С четвертого семестра начиналась специализация. Специализация по философии состояла из двух групп. Одна примыкала к классической филологии. Выбравшие ее студенты продолжали изучать историю философии, латинский и греческий языки, к которым добавлялись новые дисциплины: история греческой литературы и история римской литературы. Вторая специализация примыкала к славяно-русской филологии. Выбравшие ее студенты слушали лекции по истории философии, истории церкви, истории славянских литератур, истории германской и романской литературы, а также занимались славянскими языками. В пятом и последующих семестрах первая (классическая) группа специализирующихся по философии слушала спецкурсы по философии, историю греческой литературы, историю римской литературы, историю древнего искусства, древнюю историю, а также латинский и греческий языки. Вторая группа (славяно-русская), помимо спецкурсов по философии, изучала санскритский язык, славянские языки, историю церкви, историю славянских литератур, историю русской литературы.

Помимо Петербургского университета, Ламанский преподавал в Петербургской духовной академии (1872–1897) и Академии генерального штаба (1890–1900). Однако сам Владимир Иванович был более склонен, пожалуй, к научно-исследовательской и публицистической, нежели к педагогической работе. Он не был эффективным лектором, и его манера чтения лекций скорее отпугивала первокурсников. «Перед нами был всегда скучавший, сонный и рассеянный человек, – вспоминал С. Ф. Платонов, – очевидно тяготившийся преподаванием, охотно пропускавший свои лекции и легко терявший нить изложения не только от лекции до лекции, но и на одной и той же лекции. Лишь изредка, в счастливые минуты, Ламанский оживал и воодушевлялся, иногда по поводу ничтожной мелочи, случайно попавшей ему на язык, тогда он вырастал до своей настоящей величины, и мы с удивлением зрели его преображение. Но проходила крат-

кая минута, и пламень гас, оставляя нас в привычных потемках скуки и недоумения»<sup>1</sup>.

С 1854 г. Ламанский сотрудничал с Географическим обществом сначала в качестве секретаря отделения этнографии, а затем председателя этого отделения (1865–1871, 1887–1910), принимал самое активное участие в деятельности Петербургского славянского благотворительного комитета с его основания (1868), был его председателем и редактором «Известий» общества (1887–1888). С 1880 г. Он возглавлял Историко-филологическое общество при Петербургском университете, основал и редактировал этнографический журнал «Живая старина» (1890–1912), был одним из организаторов Этнографического музея. Интересы Ламанского далеко выходили за пределы славянской филологии и истории. Его можно назвать создателем геополитической теории славянофильства, которая предвосхищает многие построения евразийцев и указывает на связь этих двух течений русской мысли. Ламанский, хотя и был знаком с некоторыми деятелями раннеславянофильского движения, принадлежал уже другому поколению. В то же время его трудно однозначно приписать к поздним славянофилам или почвенникам. Вместе с такими мыслителями, как К. Н. Бестужев-Рюмин, А. С. Будилович, М. О. Коялович, О. Ф. Миллер и др., его можно отнести к академическому славянофильству – направлению, охватывавшему университетскую и академическую среду. Представители этого направления не только популяризировали славянофильские взгляды, но и существенно развивали их в предметном поле конкретных научных дисциплин. Это привело к появлению оригинальных учений в области филологии, математики, политической географии, историографии, оказало воздействие на общественно-политическую мысль России.

В своем творчестве Ламанский затрагивал темы, характерные для философии всего академического славянофильства в целом.

Во-первых, это так называемый *восточный вопрос*, или вопрос о границах славянского и романо-германского мира. Он включал в себя и проблему освобождения южных славян от турецкого владычества, и сильно политизированный польский вопрос. Историческое истолкование польского вопроса приводило к анализу конфликта православной и католической культур, их взаимных отношений и исторических претензий (униатский вопрос и т. п.).

Во-вторых, это обсуждение *возможности славянской (общеславянской) цивилизации*, проблем славянской взаимности и общения, исторического своеобразия славянских культур. Уверенность в культурно-исторической самобытности славянства, отличной от культур романских и германских народов Европы, вызывала к жизни идею *панславизма*, или единства общеславянской культуры. Признать реальность панславизма означало положительно ответить на вопрос о преобладании в славянском мире начала единства над началом партикуляризма, центристических сил над центробежными. При та-

---

<sup>1</sup> Платонов С.Ф. Несколько воспоминаний о студенческих годах // Дела и дни. Исторический журнал. 1921. Кн. вторая. – Пг., 1921. С. 109.

ком подходе носителем начала единства, воплощением центристской силы выступала Россия, что требовало критики иных вариантов панславизма: австрийского, иллирийской идеи и т. п. Панславизм и идея славянской цивилизации включали в себя и *вопрос об отношении к инородцам*, т. е. неславянским племенам, входящим в славянскую культурно-историческую общность. Признание культурной самобытности славян и уважение к национальным и культурным особенностям других народов приводило представителей академического славянофильства к отстаиванию *принципа цивилизационного многообразия и культурного равенства народов*.

В-третьих, в качестве насущного вопроса представителями академического славянофильства воспринималась так называемая *кирилло-мефодиевская идея*, т. е. восстановление славянских церквей, возможность богослужения на славянских языках не только у православных славян, но и у славян-католиков и славян-протестантов.

В-четвертых, продолжением кирилло-мефодиевской идеи стал *вопрос об общеславянском литературном, научном и дипломатическом языке*. Этот вопрос приобрел самостоятельное значение в силу его практической важности. Фактически, здесь шла речь о приоритете культурного, а не политического сближения славян. Принятие общеславянского литературного языка сделало бы панславизм реальным историческим явлением. Со времени Юрия Крижанича (1617–1683) предлагались различные варианты общеславянского языка. Представители академического славянофильства активно отстаивали право русского языка быть общеславянским литературным, научным и дипломатическим языком. Русский язык в качестве общеславянского был предложен словацкими учеными и лишь поддержан академическим славянофильством, представители которого, пожалуй, впервые осознали, какую геополитическую силу представляет собой русский язык.

В философских, политических и культурно-исторических исследованиях представителей академического славянофильства в полной мере реализовался цивилизационный подход. Нельзя отрицать влияние на них концепции Н. Я. Данилевского, публицистики И. С. Аксакова, творчества Ф. И. Тютчева и Ф. М. Достоевского. Академическое славянофильство просуществовало менее полувека. Балканские войны, Первая мировая война, политические процессы во вновь образованных славянских государствах, идеология интернационализма в России положили конец этому своеобразному направлению русской мысли и науки. Жизнь развеяла панславистские иллюзии, и практика показала, что в славянстве преобладают партикуляризм и центробежные силы. Ламанский почувствовал это раньше других. Сомнение в панславизме и разочарование в направлении политического развития славянских народов привели его в конце 1880-х гг. сначала к конфликту в Санкт-Петербургском славянском благотворительном обществе, а потом и к созданию цивилизационной концепции «среднего мира», хотя и сопоставляемого им с миром «Греко-славянским», но

уже в значительно большей степени отождествляемом с Россией (как европейской, так и азиатской).

Отдельной темой научных изысканий Ламанского следует назвать его исследования русской истории XVIII в., в особенности периода царствования императрицы Елизаветы Петровны. Ламанский опубликовал большое количество ценных исторических документов, относящихся к этой эпохе. Особый интерес вызывала у него деятельность и личность М. В. Ломоносова, которому он посвятил ряд работ. Ламанский редактировал также академическое издание сочинений первого русского академика. Исследования о Ломоносове постепенно разрастались до истории Петербургской академии наук XVIII в. Однако Ламанский сосредоточился в основном на одном аспекте истории академии – преобладании немецкого элемента. Такой акцент был важен для Ламанского потому, что он неоднократно выступал с критикой современного ему положения дел в Академии наук. Эта критика не прошла даром: она во многом способствовала реформированию Академии.

Наиболее полное выражение историософская и геополитическая концепция Ламанского получила в его поздней работе «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892), хотя основные положения его доктрины сложились еще в середине 1860-х гг. Для понимания учения Ламанского также важны статьи «Непорешенный вопрос» (1869), «Видные деятели западно-славянской образованности в XV, XVI и XVII веках» (1875), его докторская диссертация «Об историческом изучении Греко-славянского мира в Европе» (1871), курсы «Лекции по славянским наречиям» (1880–1881), «Введение в славяноведение» (1891) и отчасти его магистерская диссертация «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» (1859).

С этнографической и историко-культурной точек зрения Ламанский различал три части, или «особых самобытных мира», Азийско-Европейского материка: собственно Европу, собственно Азию, Средний мир. В большинстве своих работ Ламанский называл Средний мир «Греко-славянским» или «Русским космосом». «Греческим» – в силу наибольшего распространения в нем восточного христианства (греческой веры), «славянским» – из-за численного преобладания славянского населения. Славянская стихия более обеспечивает широкое распространение восточного христианства, чем других религий в Среднем мире. Греческий элемент, с одной стороны, связывает Средний мир с наследием Античности, а с другой, делает его преемником имперской идеи. Идея христианской империи трактовалась Ламанским как «чисто нравственное», «внутреннее убеждение народов восточно-христианских, без различия племен, в необходимости и вечности на земле до кончины мира, до явления Антихриста, единого христианского царства, обнимающего в себе самые различные страны и племена с их частными, местными правительствами и государями, жупанами, князьями, воеводами, королями и царями. Как несходство языков в богослужении, обрядов и обычаев поместных церквей несколько не противоречило, а вполне уживалось с единством вселенской церкви, так же точно разнообразие и смесь племен, стран и правлений

нимало не мешало им всем составлять одно христианское царство, единую империю»<sup>1</sup>. Идея единой христианской империи была «узурпирована» на Западе при Карле Великом и искажена принципами насильственности и нетерпимости. Россия же унаследовала от Византии идею империи в «более чистом» виде и сохранила ее для всего Среднего мира.

В географическом отношении Средний мир отличается от Европы и Азии «скудостью берегового развития», т. е. материковым характером, преобладанием равнинных территорий, ограниченных горами, умеренными или даже суровыми климатическими условиями<sup>2</sup>. В этнографическом отношении Средний мир включает в себя множество разнообразных народов при преобладании славянского населения, связующего этот мир в единое целое. «Этнографические стихии» Среднего мира представлены греками, албанцами, романцами (румыны, волохи), немцами, летами (литовцы, латыши), иранскими народами (армяне, грузины, осетины, курды), финскими, монгольскими, турецкими и татарскими племенами<sup>3</sup>. Границы Среднего мира на юге, востоке и северо-западе в основном совпадают с границами Российской империи. Западная же граница этого «особого исторического мира» проходит по тем территориям восточной Европы, в которых численно преобладает славянство<sup>4</sup>. Принципиальным для концепции Ламанского является единство азиатской и европейской России: «Азиатские владения России резко отличаются от азиатских владений собственно Европы. Они непосредственно примыкают к так называемой европейской России, составляя с нею одно непрерывное территориальное целое. Между восточными и южными окраинами европейской России и западными и северо-западными окраинами русской Азии, собственно говоря, не существует никаких строгих и резких различий и противоположностей ни в географическом, ни в этнологическом, ни в историко-культурном отношении»<sup>5</sup>. Единство Греко-славянского мира обнаруживается в том, что в европейской России и «на нашем востоке преобладает и господствует материк над берегом, охранительный, консервативный характер его обитателей над жадным к новому, подвижным, беспокойным и неугомным духом прибрежных жителей»<sup>6</sup>.

Как и у большинства славянофилов, критическая сторона учения Ламанского преобладала над положительной, над догматическим из-

---

<sup>1</sup> Ламанский В.И. Видные деятели западно-славянской образованности в XV, XVI и XVII веках. Историко-литературные и культурные очерки // Славянский сборник. Вып. I. — СПб., 1875. С. 465.

<sup>2</sup> Ламанский В.И. Лекции по славянским наречиям, читанные профессором С.-Петербургского университета В. И. Ламанским за 1880–1881 акад. год. С. 43–44; Ламанский В.И. Три мира Азийско-Европейского материка. — СПб., 1892. С. 15, 45–46.

<sup>3</sup> Ламанский В.И. Об историческом изучении Греко-славянского мира в Европе. — СПб., 1871. С. 34.

<sup>4</sup> Ламанский В.И. Три мира Азийско-Европейского материка. — С. 24, 42.

<sup>5</sup> Там же. С. 8.

<sup>6</sup> Ламанский В.И. Об историческом изучении Греко-славянского мира в Европе. — С. 35.

ложением теории. Критическому разбору европейских воззрений на Греко-славянский мир была посвящена его докторская диссертация. В ней Ламанский, в частности, опровергал мнения французских историков и антропологов о «туранстве москвитов», «туранизме великороссов», популяризатором которого выступил польский историк Ф. Духинский<sup>1</sup>. «Для большинства французских писателей прошлого столетия и вообще европейцев того времени, – констатировал ученый, утверждая общность восприятия жителей Среднего мира представителями иного суперэтноса, – русские, москвиты, казаки, татары, монголы в общем смутном представлении казались тождественными или по крайней мере внутренне и наружно сходными и единомысленными»<sup>2</sup>. Под туранством в данном случае подразумевалась не принадлежность южно-сибирской расе, а господство монголоидных черт в русской среде. Однако язык, религия и самосознание народа позволяло говорить о преобладании в великороссах славянских элементов над туранскими. В то же время все крупные этносы, в том числе европейские народы и русские, за свою историю включили в себя путем ассимиляции и иные этнические группы. Ламанский признавал, что на севере русские смешивались с финнами, а на юге – с монголами и турками. «Нет никакого разумного основания полагать, – писал он, – что финны, монголы, турки, с которыми мы так давно смешиваемся и еще Бог даст многие века будем смешиваться, ниже, малоспособнее, слабее физически и нравственно всех не-арийских первобытных обитателей Европы и Америки, с которыми смешались европейцы у себя дома и продолжают смешиваться в Америке»<sup>3</sup>.

Русская история дает много примеров взаимного влияния русских и половцев<sup>4</sup>, русских и монголов<sup>5</sup>. Ламанский приводил многочисленные факты смешанных браков, переселения славян и монголов, крещения монголов и т. п., указывал на влияние «монголов на наше зодчество»<sup>6</sup>. «Мы убеждены, – отмечал он, – что читателю не покажется парадоксом, если мы скажем, что *неволя татарская*, вредная для русских во многих отношениях, не стеснила, однако, их международных сношений, по крайности с Азией, и даже расширила их»<sup>7</sup>. «Если Русь восточная зависела от Орды и Великих Ханов, то не больше, чем чехи X–XIII в. от немецких императоров или болгаре и сербы от византийских», – утверждал ученый<sup>8</sup>. Обращаясь к более

---

<sup>1</sup> Там же. С. 212–213, 283–285; Ламанский В.И. Введение в славяноведение. [СПб., 1891]. С. 51–53.

<sup>2</sup> Ламанский В.И. Об историческом изучении Греко-славянского мира в Европе. – С. 284.

<sup>3</sup> Там же. С. 314–315.

<sup>4</sup> Ламанский В.И. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. – СПб., 1859. С. 60, 64–66, 73–74.

<sup>5</sup> Там же. С. 46–53.

<sup>6</sup> Ламанский В.И. Исторические замечания к сочинению «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» // Ламанский В.И. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. – С. 94.

<sup>7</sup> Ламанский В.И. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. – С. 53.

<sup>8</sup> Ламанский В.И. «Белая Русь» // Живая старина. 1891. Вып. III. С. 246.



раннему историческому периоду (II–III вв.), Ламанский указывал на участие славянских племен в походах гуннов: «Грубость и жестокость гуннов не могут ни в каком случае служить опровержением верности предположения, что в рядах их принимали значительное участие славяне»<sup>1</sup>. При помощи гуннов славяне освободились от владычества готов и смогли расселиться на большей части восточной Европы и в Прибалтике<sup>2</sup>.

В своем историческом развитии Средний мир испытывал влияние со стороны византийской образованности и восточного христианства, затем монголов и ново-европейской цивилизации. «Недаром мы прожили Петровский период, – признавал Ламанский в письме И. С. Аксакову от 1 ноября 1859 г., – мы закалили себя, мы подчинились и шли в немецкую неволю не даром, как недаром принимали в себя татарщину и византийщину. Голова кружится, как подумаешь о будущем влиянии нашем на азиатском Востоке»<sup>3</sup>. Более того, реакцией на политику европеизации стало обращение к восточным корням. «Россия, желая объевропеиться, во многом обазиятилась», – писал он тому же адресату 9 октября 1861 г.<sup>4</sup>

Специально Ламанский касался «инородческого вопроса», т. е. вопроса о взаимных отношениях населяющих Средний мир, в частности Россию, племен. Как ученый, он видел в изучении быта, языка и культуры этих народов одну из главных задач современной этнографии. Давая определение этнографии как науки, Ламанский утверждал, что она имеет «своим предметом *систематическое описание всех обитающих в России племен и народностей в их физических, лингвистических и религиозно-бытовых особенностях и сравнительно-генетическое изложение с помощью возможно точных статистических данных как взаимных отношений инородцев между собою, так и отношений их к господствующей славяно-русской народности, изучение способов и мер, облегчающих или задерживающих процесс поглощения инородческих элементов народностью господствующей*»<sup>5</sup>. Таким пониманием этнографии Ламанский руководствовался и как председатель отдела этнографии Географического общества, и как редактор-издатель журнала «Живая старина». Знакомство с национальными культурами, согласно Ламанскому, ценно не только с научной точки зрения, оно способно обогатить современную культуру Греко-славянского мира, наделив ее большим творческим потенциалом: «В языках, народных преданиях, песнях, обычаях всех наших инородцев содержится великое богатство данных, важных не только для одной, а для нескольких наук. Собранные с любовью и знанием дела (тут преимущественно нужны развитые, любящие свою

---

<sup>1</sup> Ламанский В.И. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. С. 149.

<sup>2</sup> Ламанский В.И. Видные деятели западно-славянской образованности в XV, XVI и XVII веках. – С. 450.

<sup>3</sup> Переписка двух славянофилов // Русская мысль. 1916. Кн. IX. С. 15.

<sup>4</sup> Там же. Кн. XII. С. 93.

<sup>5</sup> Ламанский В.И. Речь при вступлении в звание председательствующего в отделение этнографии – в заседании 29-го января 1865 г. // Известия Императорского географического общества. 1865. Т. I Отд. I. С. 152–153.

народность туземцы из священников и народных учителей), эти данные выяснят много теперь темного, раскроют много тайн, обогатят, раздвинут человеческое знание. В этих уцелевших остатках больших некогда племен имеется столько разнообразных тем, мотивов поэтических, художественных (орнаменты), музыкальных. Они могут, должны впоследствии придать много новых элементов свежести, сочности, разнообразия нашей поэзии, живописи, архитектуре, скульптуре, музыке»<sup>1</sup>. Ламанский неоднократно указывал на необходимость нравственного, гуманного отношения к населяющим Россию инородцам<sup>2</sup>, выступал против политики русификации, настаивал на важности открытия национальных школ и возможности получения образования на родном языке<sup>3</sup>, предлагал преподавать инородческие языки не только в духовных школах (для миссионерских целей), но и в светских учебных заведениях<sup>4</sup>.

Публикуемая из Санкт-Петербургского филиала архива РАН статья Ламанского «Россия – мир славянский» и его письма относятся к различным периодам творчества ученого. Чистовая рукопись незаконченной статьи «Россия – мир славянский» содержит несколько лакун, которые, вероятно, восполняли несохранившиеся вставки и дополнения. Письма Ламанского К. С. Аксакову, А. В. Головнину, О. Ф. Миллеру, Л. Н. Майкову и В. М. Владиславлеву хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН. При публикации письма размещены в хронологическом порядке. Письма позволяют более полно представить, как формировалась позиция Ламанского в 1860-е гг., когда в основных чертах сложилась его историсофская концепция. Написанные в поздний период письма В. М. Владиславлеву и Л. Н. Майкову уточняют позицию Ламанского относительно инородцев, входящих в состав Российского государства, а также служат своеобразным подведением итогов, содержат оценку деятельности Ламанского, данную им самим.

*Июль 2008 г.*

*А. В. Малинов*

---

<sup>1</sup> Ламанский В.И. Три мира Азийско-Европейского материка. – С. 123.

<sup>2</sup> Ламанский В.И. Об историческом изучении Греко-славянского мира в Европе. – С. 151–156.

<sup>3</sup> Ламанский В.И. Три мира Азийско-Европейского материка. – С. 122.

<sup>4</sup> Там же. С. 126.